

Митрополит Минский и Белорусский ФИЛАРЕТ

УСТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Приближается время, когда Русская Православная Церковь, весь православный и христианский мир будут отмечать великий и знаменательный юбилей вечнопамятного события — Крещения святого равноапостольного князя Владимира и всей Русской земли. Истекает уже тысячелетие с того незабываемого дня, когда Промысл Божий призвал всю Русь к свету благодати Своей и указал нашим предкам путь ко спасению — путь, которым мы идем и поныне.

Святейший Патриарх Пимен в своей речи, произнесенной на первом заседании Комиссии Священного Синода по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси, отметил: «Высочайшее и священное значение этого события заключается в том, что оно положило начало официальному бытию Русской Православной Церкви, открыло народам, составлявшим Древнерусское государство, возможность войти во врата Церкви Христовой, где перед каждым ее членом открывается путь, ведущий к вечному спасению. Крещение Руси,— продолжал Его Святейшество,— содействовало коренному переустройству гражданского порядка на христианских началах, ввело Киевскую Русь в круг великих христианских держав средневекового мира и обеспечило восприятие ею великой культуры Византии».

Именно таковы были великие последствия утверждения христианства на Руси — ясные и понятные как для тех, кто занимается изучением древней русской истории, так и для каждого православного человека.

Однако хорошо известно, что самому событию — Крещению Русской земли предшествовал длительный и сложный период распространения и утверждения святой веры в нашем Отечестве, период, оказавший непосредственное влияние на обращение святого Владимира и наших предков ко Христу.

Поэтому мы, готовясь торжественно отметить священную память о том дне, когда небо и земля, по слову нашего летописца, ликовали, видя Крещение земли Русской, и с благодарностью почтить непреходящее величие духовного подвига ее апостола святого князя Владимира, не вправе, как писал выдающийся ученый Русской Православной Церкви митрополит Московский Макарий, «забыть о тех истоках христианства, которые, подобно звездам, мерцали во мраке неведения и указывали путникам путь к Горней Отчизне»¹.

I

История христианства на Руси начинается с предания, глубоко укоренившегося в народной памяти,— сказания о путешествии на Русь святого апостола Андрея Первозванного².

Трудно переоценить значение этого сказания, помещенного во вводной, недатированной части нашей древнейшей летописи «Повести временных лет». Неизмеримо велика его роль как вести о первом проповеднике слова Божия, о проповеднике — святом апостоле, которому первому суждено было утвердить на земле нашего Отечества, на месте будущего Киева, Святой Крест — незыблемую основу Святой Церкви Христовой. Этой вести во все времена непоколебимо верил русский народ, справедливо видевший в ней начало своего христианского, православного самосознания.

Участники Международной церковно-исторической конференции на встрече с представителями советской общественности в Украинском республиканском комитете защиты мира

Наши современные представления о пребывании апостола Андрея на Руси основываются прежде всего на упоминаниях о нем святых отцов и апологетов христианской Церкви, начиная еще с III века, а также на некоторых данных греческих редакций житий святого апостола. обстоятельный обзор этих свидетельств сделан митрополитом Макарием и другими исследователями³. Но, помимо прямых указаний христианских авторов, мы к настоящему времени располагаем и данными археологических исследований, которые не только не противоречат, но и служат серьезными доказательствами исторической реальности предания о путешествии апостола на Русь.

К их числу принадлежат многочисленные находки римских монет, чьими владельцами были славяне, современники императоров Августа,

Траяна, Марка Аврелия. При этом следует отметить, что районом наибольшего сосредоточения таких монет является место будущего Киева и территория Среднего Поднепровья, впоследствии составившая ядро Русской земли. Другими словами, киевские славянские поселения уже в I в. н. э. были очень хорошо известны в античном мире. И, по вполне обоснованному предположению ряда исследователей, именно они стали тем местом, где кончались южные торговые пути, один из которых — вверх по Днепру, пройденный, согласно сказанию, апостолом Андреем, был известен грекам еще в I тысячелетии до н. э.⁴

Наличие тесных культурных и экономических связей, существовавших между славянскими племенами, населявшими Восточно-Европейскую равнину, и Римской империей в I в. н. э., а также сведения о том, с какой ревностью ученики и апостолы Христовы спешили во все концы вселенной для привлечения всех народов к своему Учителю и Господу, подтверждают сам факт миссионерской деятельности святого апостола Андрея на нашей земле.

Безусловное же отрицание его отдельными авторами может представляться странным уже потому, что в научной литературе давно утвердился взгляд на народные предания как на великую неписаную историю Русской земли. Именно эти предания, заключавшие в себе глубокий интерес русского народа к истории своей Святой Церкви и родной земли, явились той благодатной почвой, той основой, которая предшествовала и позволила вырасти замечательному русскому летописанию.

Благодаря изысканиям наших отечественных историков сегодня вряд ли кто сомневается в том, что в основе летописного сказания о родоначальнике киевских князей Кие и об основании Киева лежат подлинные исторические факты, связанные с конкретной эпохой конца V—VI вв.⁵ Таким образом, более 500 лет в народной памяти бережно сохранялось это предание, прежде чем оно вошло в состав нашей летописи.

Автор «Слова о полку Игореве» в конце XII века знает и упоминает и о счастливых «Траяновых веках», то есть императора Траяна, и о печальном «времени Бусовом». А ведь автора «Слова» и от одного времени и от другого исторического факта отделяло более 1000 и почти 800 лет. Следовательно, основой его воспоминаний опять являются те же народные предания, запечатлевшие реальные исторические события в жизни наших предков, и подъем культурной и экономической жизни восточных славян, начиная с I века, и тяжелое военное поражение, понесенное славянским князем Божем (Бусом) в столкновении с готами в конце IV века.

Но если у нас не вызывают сомнений вышеуказанные исторические события, сохранявшиеся в памяти народа на протяжении многих столетий, то их не должно быть и в отношении такого важнейшего факта нашей истории, как посещение Руси апостолом Андреем. Это становится тем более очевидным, что, помимо летописного рассказа о нем, существуют и другие свидетельства, позволяющие вполне определенно говорить о том, насколько живы были воспоминания об этом посещении и насколько высоко память о святом Андрее почиталась нашими предками.

Так, уже в начале XI века внук святого князя Владимира Всеволод получает во крещении имя святого апостола ⁶. В том же веке на Руси имелось уже не менее трех храмов в Киеве, Переяславле и Новгороде, освященных в его честь, а также служба ему, засвидетельствованная славянским переводом канона Андрею Первозванному ⁷.

Тогда же, в XI веке, твердое убеждение в том, что святой апостол Андрей посетил Русь, получило распространение и в Византии, где он почитался основателем Константинопольской Церкви. Так, византийский император Михаил VII Дука писал тому же князю Всеволоду, что «одни и те же самовидцы Божественного таинства провозгласили слово Евангелия и в Византии, и на Руси» ⁸.

Ограниченные формой изложения, мы не считаем здесь нужным останавливаться на всех гипотезах авторов, до сих пор продолжающих считать сказание о путешествии апостола Андрея на Русь позднейшей легендой или вымыслом отдельного лица, тем более что и мнимость его противоречит «сказанию о славянской грамоте», где просветителем Руси называется апостол Павел, и ошибочность понимания его как рассказа, носящего якобы антиновгородскую направленность, достаточно убедительно доказаны в современной историографии ⁹.

Хотелось остановиться на таком важном для истории нашего христианства вопросе: когда же и кем сказание об апостоле Андрее было вынесено на страницы нашей летописи? И если большинство исследователей, начиная с митрополита Макария ¹⁰, согласны в том, что оно в письменном виде существовало отдельно от летописи уже в XI веке, то относительно времени и автора, поместившего это сказание во вводную часть «Повести временных лет», наблюдаются серьезные расхождения, причем многие авторы сходятся в том, что во всяком случае этим летописцем не мог быть знаменитый пострижник Киево-Печерского монастыря, отец русской истории, преподобный Нестор ¹¹.

Подобные утверждения, отвергающие предположение о том, что именно преподобный Нестор мог внести в «Повесть временных лет» сказание об апостоле Андрее, в основном сводятся к ссылкам на его сочинение — «Чтение о Борисе и Глебе». В этом произведении действительно указывается на то, что «не беша бо ни апостоли ходили» на Русь ¹².

Как известно, «Чтение» было написано преподобным Нестором в 80-х годах XI века. И нам представляется весьма убедительным довод замечательного знатока древнерусской письменности А. А. Шахматова, что в это время преподобный Нестор еще не был знаком с этим священным для русской истории событием — проповедью святого Андрея на родной земле. Но, узнав о нем, он во время своей работы над «Повестью временных лет» не только не умолчал, но и отнесся к этому сказанию как к важнейшему источнику по истории христианства на Руси, занеся его на страницы своей летописи ¹³.

По нашему мнению, даже само историко-филологическое изучение летописного рассказа об апостоле Андрее говорит в пользу того, что его автором является преподобный Нестор. В самом деле, перед нами серьезное и полное духовного смысла произведение человека, глубоко осознающего все значение самого факта апостольской проповеди на Руси. Этот человек отличается в высшей степени осторожностью и исторической честностью в изложении описываемых им событий. Внима-

тельно изучая и излагая дошедшие до него сведения, он нигде не называет святого апостола Андрея основателем Русской Православной Церкви, а только говорит о нем как о первом благовестнике в нашем Отечестве. Такое критическое отношение к имеющемуся в распоряжении автора источнику очень близко перекликается и с летописным рассказом о Кие, и с изложением версий о месте крещения святого князя Владимира.

Все это дает нам веские основания утверждать, что мы имеем дело с выдающимся историком, собирающим и тщательно проверяющим все исторические факты, и усомниться в том, что таковым мог быть преподобный Нестор, значило бы незаслуженно оскорбить память великого старца.

Таким образом, весть о Воскресении Христовом, принесенная в наше Отечество святым апостолом Андреем Первозванным, — это не несообразный вымысел, свидетельствующий, как считает ряд авторов, о тщеславии и честолюбии наших предков¹⁴. Напротив, эта весть — реальное историческое событие, засвидетельствованное древними письменными источниками, подтверждаемое данными археологии, хранимое на протяжении многих столетий в народной памяти и окончательно записанное на страницы нашей летописи преподобным Нестором.

И несомненно, что для каждого православного в нашем Отечестве эта уверенность в реальности апостольской проповеди на родной земле до сих пор знаменует собой изначальную и нерушимую связь наших предков со Вселенским Православием, зримым залогом которой на протяжении многих веков являлись мощи (кисть правой руки) святого апостола, присланные в Россию Вселенским Патриархом Парфением и хранившиеся в ее главной святыне — Успенском соборе Московского Кремля¹⁵.

II

К настоящему времени трудно ответить на вопрос, каким образом посещение Руси и проповедь слова Божия апостолом Андреем повлияли на дальнейшее просвещение наших предков светом Евангелия. До сих пор, к сожалению, историческая наука не располагает какими-либо письменными источниками или археологическими данными, которые позволили бы дать вполне определенный ответ.

Тем не менее факт теснейших связей восточнославянских земель с Римской империей, продолжавшихся на протяжении всех «Траяновых веков», то есть с I по конец IV, может служить, пусть и косвенным, доказательством, но допускающим исторически оправданное предположение о том, что истоки веры Христовой не только не угасли, но и продолжали существовать.

Конечно, нашествие гуннов в конце IV — начале V века имело серьезные отрицательные последствия для распространения христианства в нашем Отечестве, поскольку на определенное время разорвало связи восточных славян с христианскими центрами Византии.

Но уже конец V — начало VI века становится временем решительных перемен как в судьбах восточных славян, так и всего славянства.

Именно к этому времени в районе Среднего Поднепровья начинает складываться союз славянских племен, во главе которого стало племя руссов, обитавшее в бассейне реки Роси. Создание такого союза поло-

жило начало древнерусской государственности, а центром его стал Киев, чья великая будущность была предсказана еще апостолом Андреем. Территория же, занимаемая этими объединившимися славянскими племенами, и явилась тем местом, «откуда пошла Русская земля»¹⁶.

Становление государственности у наших предков совпало по времени с началом военных походов и расселением славян в пределах Византийской империи. В течение VI—VII веков славянские племена заселили почти весь Балканский полуостров и проникли вплоть до древней Спарты. По свидетельствам византийских авторов, императоры, не имея средств для отражения славянских набегов, не только предоставляли им земли для заселения, но и вступали в союзнические отношения, а славянские дружины служили в византийской армии¹⁷. И, конечно, эти славянские племена и отряды не могли остаться чуждыми евангельскому благовестию.

Ряд современных исследователей справедливо считает, что в этих походах славян на Византию принимали участие как южные, так и среднеднепровские племена, то есть руссы¹⁸, а князь Кий, повторим, — родоначальник киевских князей, представлял собой крупную историческую личность, был известен самому императору Византии, который пригласил его в Константинополь и оказал ему «великую честь», заключив с ним союз¹⁹.

О том, что в Среднем Поднепровье живут «руссы — народ богатырей», знали не только в Константинополе, но и в далекой Сирии, где Псевдо-Захария Ритор, составляя свое описание кочевников Причерноморья, упомянул об их северных оседлых соседях — «народе Рос»²⁰.

Поэтому с большой достоверностью можно говорить о том, что и часть руссов, возвращавшихся из походов в Византию, и дружинники, побывавшие с князем Кием в Константинополе, не только увидели и ощутили новый для них мир, мир высочайшей христианской культуры, но и сами приняли благодать Святого Крещения и стали теми активными проводниками, через кого остальная Русь могла непосредственно узнать о вере Христовой.

Вот почему, по нашему глубокому убеждению, первые сообщения византийских источников, в которых рассказывается об обращении руссов ко Христу, следует рассматривать скорее не как свидетельства о первых христианах среди наших предков, но лишь в качестве первых дошедших до нас письменных источников, отразивших определенный этап распространения святой веры на Руси.

К этим письменным источникам относятся византийские Жития святых Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. В них рассказывается о нападениях русских дружин на Амастриду и Сурож в конце VIII — начале IX века и о крещении их в этих городах²¹.

Но если эти известия о крещении руссов еще оставляют открытым вопрос — имеем ли мы дело с отдельными славянскими племенами под именем руссов или же с Русью как государством, то сообщение летописи о Крещении Руси, связанное с ее нападением на Константинополь в 860 году, в основном не оставляет сомнений в последнем предположении. В основе его лежат не только летописные сведения о том, что во главе этого похода на столицу Византийской империи стояли киевские князья Аскольд и Дир. Важным дополнением к ним является

также сообщение Бертинских анналов, в которых впервые упоминается о существовании в первой половине IX века государства Рос, что и есть Русь, или Русская земля, в Среднем Поднепровье²².

Важнейшими же источниками, описывающими это событие, являются проповеди Святейшего Патриарха Фотия и его Окружное послание, датированное 867 годом. В этом Послании к восточным епископам святитель сообщал, что «русские переменили нечестивое языческое суевение на чистую и непорочную христианскую веру. И настолько разгорелась в них ревность к вере, что приняли епископа и пастырей и исполняют христианские обычаи с великим усердием»²³.

Но если сам факт Крещения Руси в Константинополе, как правило, не вызывает сомнений, и большинство исследователей согласно с тем, что этой Русью являлась Русь Киевская²⁴, то в научной литературе велись долгие споры о местопребывании епископа, принятого нашими предками. При всем разнообразии мнений, высказанных по этому поводу, нам представляется весьма убедительной гипотеза, что этот епископ был скорее всего миссийным и не имел постоянной кафедры в русских землях²⁵.

Конечно, крещение русских дружин в Константинополе в 860 году имело необычайно важное значение для распространения христианства в Русской земле. Теперь уже можно с уверенностью говорить не только о наличии среди руссов отдельных христиан, но и о существовании среди них христианской общины, и быть может, помимо Киева, и в других центрах Руси. Неизгладимый след в русской православной традиции и народной памяти оставило обращение наших предков ко Христу при Святейшем Фотии. Еще в XI—XII веках христианство на Руси считалось прочно утвердившимся именно при этом Патриархе, в IX веке. И, видимо, поэтому в ряде памятников древнерусской письменности мы сталкиваемся со странным свидетельством, согласно которому современником Патриарха Фотия является сам святой князь Владимир, крестивший Русскую землю более чем через столетие²⁶.

Назовем еще ряд важнейших обстоятельств, сыгравших выдающую роль в деле просвещения Руси светом евангельского благовестия.

Как известно, в 864 году принимает благодать Святого Крещения Болгария, с которой Древнерусское государство начинает поддерживать самые тесные отношения с конца IX — начала X века. А за год до этого, в 863 году, трудами богомудрых «просветителей языков словенских» святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия было положено начало славянской письменности. Смысл этого великого деяния, совершенного святыми мужами, замечательным образом отразился в азбучной молитве, приписываемой одному из них — святому Кириллу: «Летит бо ныне и словенско племя»²⁷.

Действительно, есть что-то удивительное в том, как наши предки-славяне, благодаря апостольской деятельности Солунских братьев, восторженно «летели» к источникам христианского богопознания, изложенным на доступном для них родном языке, и насколько быстро распространялась среди них созданная святыми Кириллом и Мефодием славянская письменность.

Начав свой путь в Великой Моравии, затем в Болгарии, славянская грамота вскоре появилась и на Руси.

Еще известный русский историк И. Е. Забелин, изучавший ряд известных в одной из русских летописей (ПСРЛ, т. IX, с. 9), сделал обоснованное и поддержанное современными исследователями предположение, что они принадлежат к глубокой древности и, возможно, записаны киевскими христианами еще в конце IX века ²⁸.

О раннем распространении письменности на Руси свидетельствует и договор князя Олега с Византией, точно датированный 911 годом и дающий основание говорить о существовании уже в то время при киевских князьях особой канцелярии, где хранились и письменные документы.

Еще более убедительным доказательством, позволяющим высказать твердое суждение об очень раннем и широком распространении грамотности на Руси, является древнейшая русская надпись на глиняном горшке, найденном под Смоленском в 1949 году.

Будучи древнейшим русским памятником письменности, дошедшим до нас в подлинном виде, она, бесспорно, означает, что грамотность на Руси уже в начале X века была не только книжной, но и бытовой ²⁹.

Нельзя не обратить внимания и на то, как об этом говорилось выше, какое серьезное значение для просвещения нашего Отечества имела письменность соседней Болгарии, куда перенесли свою деятельность ученики святых Кирилла и Мефодия. Именно оттуда, по утверждению ряда историков, на Русь поступали богослужебные книги и богатая духовная литература ³⁰.

Таким образом, в свете вышеуказанных фактов, не вызывает сомнения, что уже в конце IX — начале X века среди членов христианских общин на Руси письменность получила самое широкое распространение, а сами они слушали Божественные службы и получали наставления в истинах святой веры на родном языке.

Дальнейшее распространение веры Христовой в Русской земле засвидетельствовано прежде всего знаменитым договором князя Игоря с Византией, заключенным в 944 году.

Ценность его для истории нашего христианства состоит в том, что он дает отчетливое представление, насколько уже христианская община в Киеве в середине X века была многочисленна по своему составу и пользовалась огромным влиянием в государственной жизни Руси.

В этом договоре христиане выступают не только как равноправные его участники, но и стоят в нем на первом месте. Более того, следует отметить также, что в договоре речь идет отнюдь не обо всех христианах в Киеве, а лишь о тех из них, которые занимали высшие государственные должности в Древнерусском государстве, имели полномочия заключать международные соглашения и чья присяга считалась необходимой, наряду с присягой самого киевского князя.

Согласно летописи, эту присягу русские христиане принесли в церкви святого пророка Илии, которая в тексте договора названа соборной. Такое указание дало возможность ряду исследователей высказать предположение, что в Киеве в то время, помимо нее, существовали и другие христианские храмы ³¹. А летописное сообщение о том, что она стояла поблизости от княжеского дворца и домов дружинников, делает вполне допустимой мысль о терпимом отношении к христианам и самого князя Игоря (ПВЛ, с. 38—39).

В научной литературе одно время серьезно обсуждался вопрос о прихожанах этого соборного храма. Некоторые авторы утверждали, что ими могли быть исключительно варяги, являвшиеся, по их мнению, единственными христианами в Киевской Руси в середине X века³².

Отечественные историки выяснили всю несостоятельность норманской теории о происхождении Древнерусского государства и доказали, что варяги являлись не более как военными наемниками или временными союзниками русских князей, а в истории христианства на Руси христианами изначала и по преимуществу были именно наши предки. Ведь именно они впервые услышали проповедь Святого Евангелия из уст святого апостола Андрея Первозванного, и среди них изначала из Византии распространялся свет истинной веры Христовой. Именно русские люди — христиане упомянуты в договоре князя Игоря и, конечно, они, а не варяги, по преимуществу представляли тех прихожан Ильинской церкви, где богослужение, благодаря трудам святых Кирилла и Мефодия, отправлялось на славянском языке, который «и русский одно есть». Хотя не следует отрицать, что и среди варяжских дружинников в Киеве были христиане, но с уверенностью можно говорить, что их число было незначительным³³.

III

Несмотря на высокую степень распространения христианства на Руси в середине X века, его успехи едва ли можно сравнить с теми, которых оно достигло при святой равноапостольной княгине Ольге, явившейся, по слову летописца, предшественницей святого равноапостольного князя Владимира, «аки денница пред солнцем и аки заря пред светом» (ПВЛ, с. 49).

В основе древнейших русских источников, повествующих о духовных подвигах святой Ольги, лежит церковное предание, возникшее, по видимому, уже в X веке, но в своем первоначальном виде до нас не дошедшее³⁴. Но именно оно стало тем произведением, которое положило начало южнославянскому краткому житию равноапостольной княгини и летописной повести о ней.

В первом из памятников, сохранившемся в списке XIV века, говорится только о принятии христианства святой Ольгой и содержится Похвала, в которой княгиня сравнивается с солнцем, луной и звездами, а также указывается, что «от нея бо израстоще кнезы наши»³⁵.

Во втором, летописном рассказе, включенном в «Повесть временных лет»³⁶, подробно описывается жизнь святой Ольги до ее крещения и кончины. В начале этого рассказа особенное внимание уделено исключительной государственной мудрости княгини, ставшей во главе Древнерусского государства после смерти своего мужа. Действительно, время правления святой Ольги отражает существенно новый этап в исторической жизни русского народа. Благодаря ее заботам были прекращены грабежи покоренных племен, а также введено правильное налогообложение и административное деление Русской земли³⁷.

Но кроме величия святой княгини как правительницы государства, летописцев удивляло в ней и то, что, оставшись вдовой, она, вопреки языческим обычаям, не вышла второй раз замуж, «уподобившись горлице единомужней» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, с. 11).

Конечно, княгиня Ольга, еще оставаясь язычницей, не могла не ознакомиться с верой Христа, Чье имя уже давно славилось в Киеве, не могла не встречаться с христианами и их пастырями и не видеть торжественности и красоты христианского богослужения.

И, безусловно, ее глубокий ум и душевная чистота способствовали тому, что она искренне восприняла святость и спасительность евангельского учения.

В летописном рассказе повествуется о путешествии святой Ольги в Константинополь, совершенном ею в 957 году, и о ее крещении там.

Не будем разбирать многочисленных гипотез авторов, пытающихся объяснить цель поездки русской княгини стремлением пересмотреть торговый договор Руси с Византией или исключительно политическими соображениями,— гипотез, в которых отвергается и сам факт ее крещения в Константинополе. Их несостоятельность вполне убедительно была раскрыта как митрополитом Макарием, так и в работах современных исследователей³⁸. Более того, о крещении святой Ольги в Константинополе свидетельствуют не только русские памятники, но и авторитетный византийский историк Иоанн Скилица, а также западный источник — «Продолжатель хроники аббата Регинона Прюмского»³⁹.

Прежде всего самой важной и священной причиной, которой руководствовалась святая Ольга, предпринимая столь неблизкое путешествие, являлось ее желание принять благодать Святого Крещения и ощутить всю полноту премудрости и благодати Божией.

Известно, что в составе посольства княгини в Константинополе был пресвитер Григорий, по-видимому, священник соборной церкви святого Илии, огласивший святую Ольгу и убедивший ее в спасительной силе святой веры. Кроме того, можно предположить, что присутствие священника в свите княгини Ольги как бы подчеркивало перед византийским двором многочисленность христианских общин на Руси⁴⁰.

По сообщению летописца, сам Вселенский Патриарх поучал святую княгиню о вере. И во время этого поучения она внимала ему, «поклонивши главу стояше, аки губа напояема» (ПВЛ, с. 44).

А после торжественного крещения под сводами дома Святой Софии, где восприемником святой Ольги был император Константин Багрянородный, Предстоятель Константинопольской Церкви произнес слова, выразившие все значение совершившегося над нею Святого Таинства: «Благословенна ты в женах русских, яко возлюби свет, а тьму остави. Благословити тя хотят сынове рустии и в последний род внук твоих» (там же).

Примечательно, что во святом крещении Ольга была наречена христианским именем Елена. Вполне вероятно, что это имя ей было дано в честь святой равноапостольной Елены, матери Константина Великого, так много потрудившейся для распространения святой веры в Римской империи. Не случайно именно с ее трудами все русские письменные источники справедливо сравнивают духовные подвиги княгини Ольги.

Следует отметить драгоценный вклад — золотое блюдо, украшенное жемчугом и камнем с изображением Спасителя,— сделанный святой Ольгой в Софийский собор, который, как величайшую святыню, показывали архиепископу Новгородскому Антонию в XII веке⁴¹.

После крещения святая Ольга удостоилась и торжественных прие-

мов, устроенных в ее честь в императорском дворце. Не останавливаясь подробно на их описании, хотелось бы указать на то внимание, которое было оказано русской княгине византийским двором во время первого из них, происходившего 9 сентября 957 года ⁴².

Так, «архонтисса» Ольга при своем официальном представлении была избавлена от обряда, предусмотренного церемониалом византийского двора, согласно которому представляемое лицо трижды падало ниц перед императором, и, как представительница великого Древнерусского государства, ограничилась лишь легким наклоном главы. Во время же званого торжественного обеда, клитория, русская княгиня сидела за императорским столом — почесть, право на которую имели только шесть высших вельмож Византийской империи.

Несмотря на то, что прием происходил после праздника Рождества Богородицы, сам обед был устроен по чину и типу, принятым лишь в перед Светлого Христова Воскресения — на Пасху.

Таким образом, новокрещеной княгине в Константинополе был оказан во время приема не только высший дипломатический почет, полагавшийся ей как главе государства. Мы видим, что и сам прием носил церковный, литургический характер, как бы подчеркивая и напоминая о Том, Чье Святое Воскресение является основой святости и незыблемости святой веры, принятой княгиней Ольгой.

Перед возвращением в Отечество после приемов у императора святая Ольга на прощание испросила себе благословение у крестившего ее Святейшего Патриарха, который вручил ей Святой Крест. На этом Кресте была сделана надпись: «Обновися Русьская земля Святым Крестом, его же прия Ольга благоверная княгыни», и впоследствии он долгое время хранился в самом Киеве, в Софийском соборе, на правой стороне алтаря, как живой свидетель крещения святой Ольги — события, священного для Русской Православной Церкви и всего русского народа.

Выше уже упоминалось об одном весьма интересном западном источнике, сообщающем о крещении святой Ольги в Константинополе, — «Продолжателе хроники аббата Регинона Прюмского». Важность этого источника для истории христианства на Руси состоит не только в том, что он является свидетельством широкой известности русской княгини и в Западной Европе.

Дело в том, что в нем сообщается о приезде во Франкфурт-на-Майне к германскому королю Оттону I в 959 году послов от «русской королевы» Ольги-Елены с просьбой «посвятить для сего народа епископа и священников». Но к настоящему времени подавляющее большинство историков сходятся в том, что это известие совершенно неправдоподобно и цели этого посольства могли быть только политическими или торговыми ⁴³.

Как известно, Оттон I отличался особой ревностью в содействии миссионерской деятельности латинского духовенства, особенно среди славян, укрепляя таким образом и свою власть над ними. И, принимая русское посольство, он, конечно, не мог удержаться от желания представить его цель как чисто религиозную, дававшую ему возможность через латинское духовенство вмешаться в дела Древнерусского государства. На самом же деле все свидетельствует о том, что ни святая

Ольга, ни сами русские послы и в мыслях не имели получить латинскую церковную иерархию. Об этом ясно говорится и в «Хронике Регинона». Согласно ей, епископ Адальберт, прибывший из германских земель на Русь, вскоре был вынужден покинуть ее.

Русские источники свидетельствуют о том, что святая Ольга, приняв истинную веру Христову в Константинополе, не только сама всю последующую жизнь оставалась верной хранительницей этой драгоценной святыни, но и неустанно трудилась для распространения ее истин между своими подданными.

Первой ее заботой было желание обратиться ко Христу своего собственного сына Святослава. Так, Ольга часто говорила ему: «Я, сыну мой, познала Бога и радуюся, аще ты познаеши и радоватися почнешь». И несмотря на то, что он отказывался, святая княгиня, не принуждая и продолжая любить его, как истинная христианка, со смирением молилась «за сына и за люди по вся ноши и дни», с надеждой повторяя: «Воля Божья да будет; аще Бог хочет помиловати рода моего и земле русские, да возложит им на сердце обратиться к Богу, яко же и мне Бог дарова» (ПВЛ, с. 46).

И Господь не оставил эти молитвы святой Ольги за всю Русскую землю безответными и тщетными. Во время своих многочисленных миссионерских путешествий, проповедуя слово Божие, «яко истинная ученица Христова и единоревнительница апостолов», святая княгиня удостоилась видеть, как многие из ее подданных, внимая ей, «любезно принимали от уст ея слово Божие и крестились» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, с. 27).

Это предание, сохранившееся в народной памяти и записанное в XVI веке, вполне сопоставимо с древним свидетельством XI века о том, что святая Ольга, вернувшись из Константинополя, «требища бесовския сокруши». Да, именно в духовной борьбе, вооруженная святым Крестом Господним и всепобеждающей силой слова Божия, она сокрушала в сердцах своих подданных, принимавших Святое Крещение, идолов и кумиров.

Велика заслуга святой Ольги и на другом поприще ее земного служения. Занимаясь воспитанием своих внуков, она первая посеяла семена истинной веры Христовой в сердце будущего крестителя всей Русской земли святого князя Владимира. И как будет сказано ниже, именно эти наставления и ее святая жизнь — одна из главных причин, побудивших святого князя обратиться ко Христу.

Когда же настали ее последние часы в этой жизни, святая Ольга, зная о язычестве сына Святослава, «заповедала не творити тризны над собою» и завещала совершить ее погребение по христианскому закону. Священник «похорони блаженную Ольгу». Во время похорон плакали и сын ее, и внуки, и «людье вси», то есть не только христиане, но и язычники, среди которых она «сияла, аки луна в нощи». Глубоко верно суждение, высказанное нашим летописцем, что святая Ольга, по праву именуемая Русской Православной Церковью равноапостольной и просветительницей Русской земли, «первое вниде в Царство Небесное от Руси» (ПВЛ, с. 48—49).

Период, отделяющий кончину святой Ольги († 969) от Крещения Руси при святом князе Владимире, характеризуется в истории нашего

христианства наступлением языческой реакции и мученичеством за святую веру первых мучеников Русской Православной Церкви Феодора и Иоанна, убитых киевлянами-язычниками в 983 году ⁴⁴.

Но вскоре в нашем Отечестве совершилось священное и вечнопамятное событие — наконец духовным подвигом святого князя Владимира Всеблагой Промысл призвал русский народ к свету благодати Своей.

IV

Изучению этого величайшего в истории нашего христианства события — Крещения Русской земли посвящено множество исследований. И сравнительно недавно в Праге, на Богословском факультете имени Яна Гуса, митрополит Киевский и Галицкий Филарет сделал доклад, в котором всесторонне осветил эту тему ⁴⁵. Положив в основу своего доклада тщательный анализ русских и иностранных источников, Его Высокопреосвященство проследил во времени весь ход событий, сопровождавших само Крещение Руси, и показал тот общий исторический фон, на котором эти события разворачивались. В его докладе нашли свое отражение и отношения Руси с Константинополем, и поход Владимира на Херсонес, и женитьба его на сестре византийского императора Анне, то есть все то, что сопровождало официальное утверждение христианства в нашем Отечестве.

Хотелось бы привлечь внимание к выдающемуся явлению в истории нашей Родины, благодаря которому, по слову Святейшего Патриарха Пимена, «и мы, потомки крестившихся киевлян, обладаем истинным богопознанием и имеем счастье быть во Христе избранным народом Божиим, чадами света, наследниками Царства Небесного (1 Пет. 2, 9; Еф. 5, 8; Иак. 2, 5)».

Только правильное, христианское понимание подлинного облика святого князя может привести к отчетливому представлению о величии духовного и государственного подвига — Крещения всей Русской земли, совершенного им ради просвещения светом истинной веры всего русского народа. Именно такое понимание дает возможность осознать всю глубину его равноапостольного дела и по праву поставить святого князя Владимира в один ряд с его предшественниками, великими учителями всего славянства, «апостолам равными» святыми Кириллом и Мефодием.

В основе наших знаний о личности святого равноапостольного князя Владимира лежат древнейшие памятники русской литературы. Такими прежде всего являются два замечательнейших произведения церковной письменности первой половины XI века — «Память и похвала святому Владимиру», составленная мнимом Иаковом ⁴⁶, и «Слово о Законе и Благодати», принадлежащее перу первого русского по происхождению митрополита Илариона ⁴⁷. В них, вместе с «Чтением о Борисе и Глебе» преподобного Нестора и рядом летописных известий, содержатся бесценные сведения о святом князе как о человеке, возвысившемся до истинных интересов своего народа и ставшем крестителем всей Русской земли.

Трудно передать всю полноту благоговейного чувства, вызываемого сообщениями вышеуказанных авторов, повествующих о подлинных при-

чинах обращения святого князя Владимира ко Христу, причинах, в которых, как в зеркале, отразились настоящие черты его характера.

Так, мних Иаков говорит, что Владимир с особым вниманием слушал рассказы о бабке своей Ольге, как ходила она в Царьград и «приняла Святое Крещение и свято жила перед Богом, украсившись всеми добрыми делами». Под влиянием этих слов «разгарается Святым Духом сердце его, хотя Святого Крещения». И Бог, «провидя доброту его и призри с небесе милостью Своею и щедротами... и просвети сердце князю Руския земля Володимерю прияти Святое Крещение».

Дополнением к свидетельству Иакова служат и слова митрополита Илариона о том, что Владимир «притек ко Христу сам, руководствуясь только своим благим смыслом и острым умом». И не какой-нибудь философ или миссионер впервые познакомил его с христианским учением, но он «всегда слышал о благоверной стране греческой, христолюбивой и сильной вероу, как чтут там единого Бога в Троице и поклоняются Ему... И, слыша все это, возжелал он сердцем и возгорелся духом стать христианином и обратить свою землю ко Христу. Еже и бысть». Но, указывает митрополит Иларион, «в сердце Владимира воссиял разум от того, что пришло на него посещение Вышнего, призрело на него око благого Бога».

Эта замечательная мысль митрополита Илариона находит свое подтверждение и в словах преподобного Нестора, который, говоря о Владимире, отмечает, что христианином сделало его «явление Божие».

Таким образом, по свидетельству наших древнейших писателей, мниха Иакова, митрополита Илариона и преподобного Нестора, истинными причинами, побудившими Владимира принять христианство, были: пример его бабки-воспитательницы святой равноапостольной княгини Ольги, «благий смысл и острый ум», позволившие ему внимательно ознакомиться и всей душой воспринять христианское учение, распространившееся в Русской земле задолго до времени святого князя, и, наконец, самое главное — «посещение Вышняго», призревшего на нашего князя всемилостивым оком Своим, как выражается митрополит Иларион, или воспламенение сердца его Святым Духом, как говорит Иаков.

Другими словами, Сам Всеблагий Господь, увидев во Владимире жажду вечной истины и добра, в чудесном и незримом действии благодати Своей является к нему, чтобы через святого князя привести ко Спасителю и всю Русскую землю.

В то же время существует ряд русских и иностранных источников, в которых говорится о том, что Крещение святого князя и всей Русской земли являлось непременно условием договора с византийским императором, согласным только при его исполнении отдать Владимиру руку своей сестры. Но, как мы считаем, было бы глубоко ошибочным на их основании рассматривать принятие христианства святым Владимиром, Крещение им Русской земли, а также поход Владимира на Херсонес как следствия одних лишь его политических расчетов или желания породниться с византийским царствующим домом. Подобное объяснение представляло бы собой весьма поверхностное и одностороннее суждение о святом князе Владимире как о человеке, так и о выдающемся государственном деятеле, и вот почему.

Как известно, история христианства знает немало случаев, когда

язычники, уже уверовав во Христа, по разным причинам и обстоятельствам долгое время еще оставались в своем прежнем положении и не спешили с совершением самого Таинства, выжидая для этого более удобного момента. Так поступал равноапостольный Константин Великий, с которым наши предки не случайно и справедливо сравнивали святого Владимира, у которого, как и у великого императора, также могли быть и, как нам кажется, были серьезные причины, побуждавшие его откладывать само крещение.

Будучи просвещен благодатью Святого Духа и осмыслив для себя всю величайшую спасительную силу святой веры для жизни своего народа, святой Владимир не мог не сознавать, какие трудности придется ему преодолеть на нелегком пути к тому, чтобы убедить в этом и весь свой народ. Не один раз должен был святой князь обдумать и тщательно взвесить все обстоятельства задуманного им священного дела, учесть все возможные случайности, которые могли бы помешать ему исполнить желаемое.

Выше уже говорилось, как совсем незадолго до Крещения Руси киевляне-язычники подвергли мучительной казни двух христиан. Объявить при сложившейся обстановке о перемене веры, заставить весь народ, еще не имея к этому никаких значительных средств, полностью отказаться от веками освященных языческих суеверий было бы крайне опасным и необдуманным шагом.

Но, с другой стороны, все внешнеполитические обстоятельства, определяемые сложным характером русско-византийских отношений, о чем подробно говорилось в докладе митрополита Киевского и Галицкого Филарета, складывались таким образом, что откладывать собственное крещение значило бы отложить на неопределенное время Крещение всей Русской земли.

Принятое святым князем Владимиром в такой обстановке решение дает возможность еще раз проникнуться восхищением перед высшей политической мудростью и благоразумием святого князя, перед его, как говорит митрополит Иларион, «благим смыслом и острым умом». Он уже непоколебимо уверовал во Христа, крещение для него было лишь вопросом времени, поэтому он не затруднился исполнить требование императора, явившееся для святого князя только ближайшим поводом осуществить давно задуманное. В силу вышеуказанных причин крещение Владимира было совершено скромно, без особой торжественности, первое время оставаясь тайной для его современников.

Тот же «благий смысл и острый ум», ту же политическую мудрость и заботу о благе своего народа мы видим во святом Владимире и во время осады Херсонеса. Как известно, византийский император отказался исполнить взятые им на себя при заключении договора обязательства. Его сестра Анна на Русь не приехала, и Владимир был вынужден прибегнуть к силе, двинув свои дружины на Херсонес. Все русские источники согласно повествуют, как нелегка была эта осада, с какими была сопряжена трудностями и потерями. И тем не менее, по их свидетельству, святой князь готов был стоять под городом и три года. Трудно поверить, что подобную настойчивость мог проявить человек, стремившийся только лишь жениться на сестре императора или отомстить ему за обман. В нескольких словах мних Иаков передает нам

истинную, главную цель такой настойчивости. Как он пишет, стоя под городом, святой Владимир молил Господа помочь взять ему Херсонес, чтобы «привести люди, крестьяны и попы на свою землю и да научать люди закону крестьянскому».

Вот истинная причина, вот возвышенная цель, которой руководствовался святой князь, заключая договор с Византией, добиваясь руки византийской царевны и осаждая Херсонес.

Горевший желанием переделать жизнь своего народа по христианским началам и «всегда слыша о благоверной земле Греческой», святой Владимир отчетливо сознавал, насколько для утверждения этих начал необходимы духовные сокровища Византии.

Он, сам уверовавший во Христа свободно и сознательно, безусловно, понимал, что искреннего и убежденного восприятия святой веры невозможно достигнуть одним лишь принуждением, что для духовного возрождения к новой жизни своего народа необходима Святая Церковь, которая бы научила и указала истинный путь, ведущий к этой жизни, к вечному спасению.

Получив желаемое, все нужное для устройства Русской Православной Церкви, святой Владимир, окруженный крестившимися в Херсонесе сподвижниками, вернулся в Киев и открыто объявил о своем решительном намерении крестить весь народ, твердо заявив: «Аще не обратится кто реце, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет» (ПВЛ, с. 80).

И великий русский народ, как бы угадав и предвидев величие духовного подвига, совершенного великим князем, поверил ему и, послушно и с радостью идя ко Днепру, повторял: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли» (ПВЛ, с. 81).

Конечно, когда мы говорим об этом священном и вечнопамятном событии в истории христианства на Руси как о величайшем торжестве святой веры в нашем Отечестве, эти слова не следует понимать в том смысле, что благодать Святого Крещения приняли немедленно все наши предки, до единого человека. Многие русские письменные источники повествуют о тех трудностях, а иногда и об открытом сопротивлении, с которыми истинной вере пришлось столкнуться в русских землях на первых порах. Понадобились долгие годы, годы неустанных трудов святого князя Владимира, его преемников, иерархов и духовенства Русской Православной Церкви, прежде чем христианство бесповоротно утвердилось в умах и сердцах всего русского народа, вытеснив прежние языческие суеверия. Процесс, впрочем, вполне естественный и неизбежный при обращении ко Христу целого народа.

Но для нас важно и иное историческое представление о Крещении Руси при святом князе Владимире. Это событие ознаменовало собой становление принципиально нового национального самосознания, основанного на вечных истинах Святого Евангелия. Ведь именно эти истины, как неиссякающий источник животворящей творческой силы, и помогли, и только одни они могли помочь русскому народу ощутить себя народом историческим, единым и живущим на территории одного государства, всей Русской земли. По-видимому, именно так осмысливалось это священное событие и мнихом Иаковом, писавшим, что Владимир «крести же всю землю Русскую от коньца и до коньца... всю Русскую

землю привед ко Христу», и митрополитом Иларионом, говорившим о Владимире как о князе, который «заповедал всей земли креститься» и при ком «вся земля наша в одно время стала славить Христа со Отцем и Святым Духом». Вот почему и мы, следуя им, считаем себя вправе с этой точки зрения говорить о Крещении Руси при святом князе Владимире как о Крещении всей Русской земли, просвещенной его равноапостольным подвигом — спасительным христианским учением.

Насколько глубоко этим учением был проникнут сам святой князь Владимир, насколько искренне и убежденно он принял святую православную веру, насколько неисчерпаема в нем была сила любви к своему русскому народу, передает нам митрополит Иларион. Обращаясь к святому князю, он восклицает: «Радуйся, учитель наш и наставник благоверия! Ты облачен правдою, препоясан крепостию, обут истиною, венчан смыслом, украшен милостию, как гривною и утварью золотой. Ты, о честная главо, был одеждою нагим, ты был питателем алчущих, ты был прохладою для жаждающих, ты был помощником вдовицам, ты был успокоителем странников, ты был покровом не имеющим крова, ты был заступником обижаемых, обогатителем убогих».

И в этих священных и близких сердцу каждого верующего человека словах перед нами действительно предстает князь, истинно достойный именоваться и почитаться Русской Православной Церковью и своим народом святым и равноапостольным.

Миновал почти тысячелетний период с того незабываемого дня, когда креститель всей Русской земли, стоя на берегу Днепра, ставшего в тот священный день купелью Святого Крещения для наших предков, в духовном восторге молил Господа: «Христе Боже, сотвори-вый небо и землю! Призри на новыя люди сия и даждь им, Господи, уведети Тобе, истиннаго Бога... Утверди и веру в них праву и несовратну...» (ПВЛ, с. 81).

Господь исполнил молитву святого князя Владимира, не оставив русский народ Своей благодатной помощью. Благодаря равноапостольному подвигу нашего просветителя до сих пор мы, «потомки крестившихся киевлян», неповрежденно храним навечно вверенную нам святую, апостольскую, православную веру.

Так пусть же в преддверии священного празднования 1000-летия Крещения всей Русской земли, «увенчавшего, по слову Предстоятеля нашей Святой Церкви Святейшего Патриарха Пимена, многовековой процесс становления христианства на Руси», святой равноапостольный князь Владимир, а также святые братья Кирилл и Мефодий, чья апостольская деятельность сделала это празднование возможным, станут для всех христиан, и прежде всего христиан славянских народов, примерами истинного служения Господу и Его Святой Церкви, примерами подлинной евангельской миссии, приносящей народам жизнеутверждающие принципы братства, свободы, мира и справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макарий, архиепископ. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868, с. 5.

² Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. 1, с. 12.

³ Макарий, архиепископ. Указ. соч., с. 7 и сл.

- Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1909. Вып. 1, т. II, с. 213—295.
- Никитин В. Православие в Киевской Руси.— ЖМП, 1983, № 1, с. 12.
- ⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 96.
- Толочко П. П. Роль Киева в образовании Древнерусского государства.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 125—126.
- ⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд-во МГУ, 1946, с. 102.
- Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 91 и сл.
- ⁶ Янин В. Л., Литавин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.— Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962, с. 211.
- ⁷ Сводный каталог славянорусских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984, с. 49—50.
- ⁸ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 49—50.
- ⁹ Макарий, архиепископ. Указ. соч., с. 22.
- Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи.— Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 44.
- Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород.— Там же, с. 55, 57.
- ¹⁰ Макарий, архиепископ. Указ. соч., с. 17.
- ¹¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1901, т. 1, 1-й полутом, с. 25, прим. 1.
- Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 96.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 170.
- ¹² Чтение о Борнсе и Глебе / Под ред. Д. И. Абрамовича.— Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службей им. СПб., 1916.
- ¹³ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники.— Труды ОДРЛ. М.—Л., 1940, т. IV, с. 29, 149—150.
- ¹⁴ Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 19, 28.
- ¹⁵ Михайловский В. Святой апостол Андрей Первозванный. СПб., 1882, с. 19—20.
- ¹⁶ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 55 и сл.
- ¹⁷ История Византии. М., 1967, т. 1, гл. 15.
- ¹⁸ Третьяков Н. Финноугры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 271.
- ¹⁹ Рыбаков Б. А. О культуре Древней Руси.— В сб.: Из истории культуры Древней Руси. Изд-во МГУ, 1984, с. 9—10.
- ²⁰ Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа.— ВДИ, 1939, № 1, с. 114—115.
- ²¹ Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1915, с. III, с. LXIII—LXVIII.
- Липищи Е. Э. О походе Руси на Византию ранее 842 г.— ИЗ, с. 26, 1948, с. 312—331.
- Тихомиров М. Н. Начало христианства на Руси.— В кн.: Древняя Русь. М., 1975, с. 264.
- ²² Шаскольский И. П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки.— Летописи и хроники. 1980. М., 1981, с. 49—50.
- ²³ Порфирий, архимандрит. Четыре беседы Фотия и рассуждения о них. СПб., 1864. Фотию επιστολαί ed N. Valetta. Londini, 1864, p. 178.
- ²⁴ Макарий, архиепископ. Указ. соч., с. 219—220.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 63.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 59.
- ²⁵ Просвирнин А. Равноапостольная великая княгиня Российская Ольга.— ЖМП, 1969, № 7, с. 57.
- ²⁶ ПСРЛ, т. IX. М., 1965, с. 57.
- Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 154.
- ²⁷ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности.— Труды Славянской комиссии. Л., 1930, т. 1, с. 199.
- ²⁸ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1, с. 475.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь... с. 115.
- ²⁹ Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись.— В кн.: Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 18—19.

- ³⁰ Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. — Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2, вып. 2, с. 52.
- ³¹ Макарий, архиепископ. Указ. соч., с. 247.
- ³² Тихомиров М. Н. Начало христианства на Руси, с. 265.
- ³³ Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 68—69.
- ³⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 266.
- ³⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 111—114.
- ³⁶ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. — Чтения ОИДР, кн. 3. М., 1915, с. 6—7.
- ³⁷ ПВЛ, с. 40—49.
- ³⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь, с. 363—367.
- ³⁹ Макарий, архиепископ. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868, с. 5.
- ⁴⁰ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 228.
- ⁴¹ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. Berolini et Nova Eboraei. 1973, p. 240.
- ⁴² Reginonis abbatis Prumensis Chronicon cum continuatione Treverensi / Rec. Fr. Kugre. Hannover, 1890, p. 170—172.
- ⁴³ Перевод Хроник см.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1901, т. 1, 1-й полутом, с. 103.
- ⁴⁴ Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора. — Византийские очерки. М., 1982, с. 85.
- ⁴⁵ Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, с. 58.
- ⁴⁶ Перевод описания приема Ольги — у Г. Г. Литаврина (Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь и проблема источников. — ВВ, 1981, т. 42, с. 42—45).
- ⁴⁷ Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 82—83.
- ⁴⁸ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М., 1959, с. 31—39.
- ⁴⁹ Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X века и крещение княгини Ольги. — ВВ, 1980, с. 41, с. 122.
- ⁵⁰ Русская старопечатная литература (XVI—I-я четверть XVIII в.). М., 1978, с. 251—252.
- ⁵¹ Речь митрополита Киевского и Галицкого Филарета при вручении ему диплома доктора богословия honoris causa. — ЖМП, 1984, № 10, с. 58—68; № 11, с. 61—65.
- ⁵² Краткие сообщения Института славяноведения. 1963, № 37, с. 66—75.
- ⁵³ «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона напечатано Н. И. Розовым в «Slavia» (год. XXXII. Praha, 1963, řes. 2, S. 152—175).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВВ — Византийский временник Института всеобщей истории АН СССР.
2. ВДИ — Вестник древней истории АН СССР.
3. ЖМП — Журнал Московской Патриархии.
4. ИЗ — Исторические записки АН СССР.
5. ПВЛ — Повесть временных лет.
6. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
7. Труды ОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).
8. Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.